

Максим Горький

А. С. Пушкин

Максим Горький

А. С. Пушкин

«Public Domain»

1909

Горький М.

А. С. Пушкин / М. Горький — «Public Domain», 1909

«...По необходимости, объясняемой недостатком времени, я рассказываю вам о литературе в том же порядке, в каком написаны нашими историками литературы книги о ней, то есть останавливаясь на крупных именах. Приём этот вы не должны признавать правильным, — он рисует дело так, как будто все эти Фонвизины, Жуковские, Пушкины и другие величины русской литературы вырастали вдруг, являясь какими-то холмами на гладкой равнине. Этот взгляд — неприемлем, он подтверждал бы преувеличенное мнение романтиков о силах личности и роли её в истории. Нет, вы должны знать и помнить, что до Фонвизина прошёл ряд людей, начиная с А. Кантемира, молдаванина, родившегося в 1709 году и писавшего ещё при Петре Первом, частью отмеченных литературой, частью же забытых ею, что все эти люди были, так сказать, последовательными возвышениями в деле организации накопленного историей опыта, что Фонвизин и Жуковский обобщали уже данное им предшественниками, причём эти обобщения могли быть и бессознательны, то есть могли почерпаться не из книг, а из быта, уже растворившего в себе собранный в книге опыт...»

Максим Горький

А. С. Пушкин

...По необходимости, объясняемой недостатком времени, я рассказываю вам о литературе в том же порядке, в каком написаны нашими историками литературы книги о ней, то есть останавливаясь на крупных именах. Приём этот вы не должны признавать правильным, — он рисует дело так, как будто все эти Фонвизины, Жуковские, Пушкины и другие величины русской литературы вырастали вдруг, являясь какими-то холмами на гладкой равнине. Этот взгляд — неприемлем, он подтверждал бы преувеличенное мнение романтиков о силах личности и роли её в истории. Нет, вы должны знать и помнить, что до Фонвизина прошёл ряд людей, начиная с А. Кантемира, молдаванина, родившегося в 1709 году и писавшего ещё при Петре Первом, частью отмеченных литературой, частью же забытых ею, что все эти люди были, так сказать, последовательными возвышениями в деле организации накопленного историей опыта, что Фонвизин и Жуковский обобщали уже данное им предшественниками, причём эти обобщения могли быть и бессознательны, то есть могли почерпаться не из книг, а из быта, уже растворившего в себе собранный в книге опыт.

(Спросить — понятно ли.)

Личные особенности психики каждого крупного поэта и писателя этим указанием не отрицаются: они налицо пред нами в каждом данном случае: Пушкин шире, умнее, талантливее Жуковского — он талантливее именно потому, что шире, он умнее и талантливее именно потому, что насыщен большим количеством знаний, он мастер стиха, превосходящий в технике своих предшественников, но он таков именно потому, что у него были предшественники, отработавшие технику, каждый на свой лад, а Пушкин — мог и сумел объединить в себе всю её новизну и гибкость.

Предшественники и современники Пушкина — Жуковский, Нелединский-Мелецкий, Веневитинов, Катенин, И. Пушкин — его дядя, — кн. Вяземский, кн. Одоевский и целый ряд других поэтов — часто писали стихи, по форме почти равные стихам Пушкина. Но все эти писатели были, так сказать, «любителями поэзии», они старались писать изящно, как французы, поэзия для них была приятной светской забавой; они писали главным образом послания друг ко другу, слащавые любезности в альбомах светских дам; редко кто-нибудь из них возвышался до небольшой поэмы в романтическом тоне — на сюжет о безнадёжной любви или о тленности всего земного. Единственным писателем, который касался тем социальных, был Рылеев, декабрист, впоследствии повешенный.

Отметим здесь тот факт, что в рядах декабристов было несколько поэтов. Каховский — тоже повешенный, Кюхельбекер и Одоевский, сосланные в Сибирь, Пущин, Бестужевы — всё это близкие друзья Пушкина, который, как известно, только благодаря случаю — отсутствию из Петербурга — не принял участия в декабрьских событиях, а впоследствии, на вопрос Николая — с кем он был бы 14 декабря? — ответил: «С моими друзьями, ваше величество!»

...В стране экономически отсталой и не успевшей принять классовую организацию, в стране, где правительство всячески старалось уединиться от народа и общества и, заботясь о своём самосохранении, о развитии своих сил, развивало только бюрократический административный аппарат, который душил всех с одинаковым усердием, — в этой стране все должны были объединяться на почве оппозиции правительству и политические вопросы просачивались в душу человека извне даже тогда, когда сам он не хотел этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.